

случайный пробел канцеляриста или отражение политики Михаила VI Стратиотика, приведшей, как известно, к конфликту с военной аристократией?

Любопытно еще и другое: канцелярия Алексея I, сперва следовавшая традиции его предшественников, затем отказывается от трехчленной иммунитетной формулы и ограничивается лишь перечислением чиновников первого разряда — от сакелариев до *οικιστικοί* (№ 44.35—38, 1082 г.; № 45.35—39, 1084 г.; № 48.48—52, 1086 г.).

Изменение формул хрисовулов освещает еще одну сторону византийской администрации — эволюцию состава наемного корпуса на византийской службе. В самом деле, хрисовул 1060 г. освобождает Лавру от постоя варягов, русских, сарацинов и франков (№ 33.81—82); в хрисовуле 1079 г. мы встречаем, помимо того, кулпингов (колбягов «Русские правды») ⁴⁹ и болгар (№ 38.29—30) ⁵⁰; в хрисовуле 1082 г. названы русские, варяги, колбяги, англичане и немцы (№ 44.26—27), — отсутствие франков (порманнов) в разгар войны с Робертом Гвискардом совершенно закономерно. Наконец, в хрисовуле 1086 г. список иноземцев охватывает русских, варягов, колбягов, англичан, франков, немцев, болгар и сарацинов (№ 48.27—28). В хрисовуле 1088 г. появляются сверх того новые народы — аланы и авасты, т. е. абхазцы или — шире — грузины (MM, VI, p. 47.5—6; Jus, III, p. 373.34—36). Клаузула «иноземных войск» в иммунитетных грамотах раскрывает, таким образом, расширение этнического состава наемных войск империи за время от Константина X до Алексея I. Это, кстати сказать, обнаруживает подвижность формуляра императорской канцелярии.

Не только формулы грамот, но и почерки писавших их писцов могут послужить источником для изучения истории императорской канцелярии. Если хрисовул Михаила VI от 1057 г. (№ 32, табл. XXVII—XXIX) написан совсем другим почерком, нежели хрисовул Константина IX от 1052 г. (№ 31, табл. XXIV—XXVI), то хрисовул Константина X от 1060 г. (№ 33, табл. XXX—XXXIV) выдает ту же или очень близкую руку: возможно, что, несмотря на переворот Исаака I Комнина в 1057 г. и его отречение в 1059 г., тот же канцелярист продолжал изготавливать императорские грамоты.

Хрисовул Михаила VII от 1074 г., сохранившийся в канцелярской копии (№ 36, табл. XXXVII), написан, безусловно, другим человеком и в другой манере, но канцелярская копия хрисовула Никифора III от 1079 г. (№ 38, табл. XL—XLI) обнаруживает стилистическое сходство с грамотами Михаила VI и Константина X: можно было бы предположить, что писец Никифора вышел из «школы» переписчика, работавшего в канцелярии Константина X.

Сходным почерком (хотя, несомненно, другой рукой) переписан и другой хрисовул Никифора III — от 1081 г. (№ 41, табл. XLIV).

Значительно сходство с грамотой 1079 г. у ранних хрисовулов Алексея I: от апреля 1084 г. (№ 45, табл. XLVII), от августа 1084 г. (№ 46, табл. XLVIII—XLIX) и от 1089 г. (№ 50, табл. L—LI); последний представлен канцелярской копией. Хотя нельзя говорить об одной руке этих грамот, но они, во всяком случае, представляют одно стилистическое направление, господствовавшее в константинопольской канцелярии от царствования Михаила VI до первых лет правления Алексея I. Однотипность этого письма еще более подчеркивается резким изменением стиля почерков императорских хрисовулов, совершившимся вскоре после 1089 г. Хрисовул Алексея I от 1094 г. (№ 52, табл. LIII—LIV) писан почерком, совершенно далеким от почерка грамот 1084—1089 гг. То же самое относится и к хрисовулам 1104 г. (№ 56A, табл. LX—LXII) и 1109 г. (№ 58,

⁴⁹ Впервые упомянуты в хрисовуле 1073 г.: MM, VI, p. 2.33—34.

⁵⁰ Тот же список в грамотах 1074 г. (MM, V, p. 137.10) и 1079 г. (MM, V, p. 143.22).